

Момо от удара стукнулась подбородком о плечо Гу Чэня и, повернув голову, с жалостливым видом посмотрела на него полными слёз глазами — ведь он ударил ее без всякой жалости. А над домом, всего полчаса назад разогнавшие тучи, небо снова заволокло грозовой тучей.

В неприметном уголке у дороги старый нищий в лохмотьях прислонился к стене. Он слегка приоткрыл затуманенные, вечно пьяные глаза, бросил взгляд на тучи в небе, и в его взгляде мелькнул острый блеск — он погрузился в раздумья.

Подобная картина повторялась во всех уголках этого большого города. В просторной усадьбе старик, одетый даосским отшельником, погладил свою длинную бороду и пробормотал себе под нос: Святой водяной дракон? Но почему же совсем не чувствуется ауры дракона?

Момо на руках у Гу Чэня в итоге так и не заплакала — стойкость к ударам у этой девчонки на самом деле была весьма неплохой. Просто рядом с Гу Чэнем она страшно любила покапризничать, и из-за любой мелочи готова была выдавить пару золотых слезинок, лишь бы Гу Чэнь пожалел ее. Поэтому грозовые тучи постепенно рассеялись вновь.

Гу Чэнь с помощью Нефритовой Цикады быстро смыл с себя пот. Момо наотрез отказывалась слезать с рук Гу Чэня, совершенно не желая перемещаться в объятия Нефритовой Цикады, так что Гу Чэню пришлось умывать ее самому. Когда трактирный слуга вошел, чтобы сменить воду, он увидел целый ушат грязно-зеленой воды и с невероятным изумлением окинул взглядом Гу Чэня, только что принявшего ванну. Его внутренний монолог, должно быть, сводился к одной мысли: сколько же времени этот человек не мылся...

Бесстыдство Гу Чэня тут же вылезло наружу, а его вид — мол, так оно и есть — окончательно обезоружил слугу. Юй Чань же, напротив, залилась краской стыда, заметив странный взгляд, которым слуга одарил Гу Чэня.

Гу Чэнь привел в порядок свою одежду, а также силой сунул Момо в объятия Юй Чань, предварительно одев малышку в ее одежды.

Когда все трое спустились вниз поужинать, в зале оставались лишь сонный трактирщик, клевавший носом прямо на месте, из последних сил державшийся слуга да одинокий посетитель, который сидел за столом спиной к компании Гу Чэня и пил в одиночку.

Усевшись за свой столик, Гу Чэнь и компания тут же дождались расторопного слуги: тот услужливо подал им еду, которую Гу Чэнь заказал заранее.

Гу Чэнь взял палочки для еды, подцепил кусочек мяса, положил его в чашку Юй Чань и с улыбкой произнес:

— Чань-эр, ты ведь давно проголодалась? Давай посчитаем этот ужин сразу и за вечернюю трапезу, и за ночной перекус. Хэ-хэ, держи, кушай.

Юй Чань кивнула и неторопливо взяла палочки.

Однако маленькая ручка оказалась куда проворнее: она мгновенно нырнула в чашку, ухватила тот самый кусочек мяса и тут же затолкнула его себе в рот.

Верно, это была не кто иной, как маленькая предводительница — Момо. Её маленькие ручки были испачканы в жиру, а вокруг рта от съеденного мяса тоже остались жирные пятна.

– Эй... Момо, не переборщи... Смотри не подавись, – постучав палочками по столу, беззлобно пригрозил Гу Чэнь.

В ответ Момо, словно демонстрируя своё превосходство над Гу Чэнем, высунула розовый язычок и облизала губки.

Юй Чань с улыбкой вытерла рот Момо, а затем с забавой наблюдала за пикировкой этой парочки, похожей на отца с сыном.

Пока эта семья в теплой и дружной обстановке ужинала поздно вечером, человек за соседним столом поднялся, взял свой бокал, подошел к их столу и произвел:

– Выпьем вместе, не возражаете?

Его голос еще не утратил мальчишеской юношеской звонкости, но в словах уже сквозила взрослая вежливость и дистанция.

Гу Чэнь поднял глаза и удивленно воскликнул:

– Это ты?!

Парень кивнул и с улыбкой ответил:

– Да, это я.

Сказав это, он, не дожидаясь, пока Гу Чэнь снова заговорит, непринужденно уселся рядом.

– Разве ты... не сбежал? – Гу Чэнь было хотел спросить громко, но, сорвав с языка это «ты», сообразил, что обстановка не располагает к громкому обсуждению столь щекотливой темы, и понизил голос: – Разве ты не сбежал?

– Разве вы не слышали поговорку: самое опасное место — это самое безопасное место? – парень слегка качнул бокал в руке, залпом осушил его и тут же протянул: – М-м, какой прекрасный чай!

Глядя на этого странного подростка, Гу Чэнь почувствовал себя совершенно сбитым с толку.

– Я знаю, что сегодня ты мне помог, – глядя прямо на Гу Чэня, серьезно произнес юноша.

– А? А... это самое, мелочи, сущие пустяки, не стоит упоминания, – Гу Чэнь с улыбкой отмахнулся и почесал затылок. Улыбнувшись, он только потом сообразил и поднял голову: – Ой? Откуда ты знаешь?

– Да потому что я все время наблюдал за вами издалека, – улыбнувшись, парень поставил на

стол бокал, в котором только что была вода.

– А? Seriously? Почему же я тебя не видел? – снedaемый любопытством, спросил Гу Чэнь.

– Потому что я специалист по духовной энергии темной стихии.

– Темной... стихии?

– Угу, – кивнул парень. – К тому же я знаю, что твоя стихия — дерево.

Юноша выглядел абсолютно уверенным в себе.

– Откуда ты знаешь?! – Гу Чэнь нахмурился. Ощущение, что кто-то насквозь видит твои козыри, было из неприятнейших.— Только что. Адепты тёмной системы духовной энергии от природы обладают мощным восприятием, тьма — это наша вотчина, а в сумерки эта способность становится ещё сильнее.

Услышав это, Гу Чэнь наконец убрал с лица выражение любопытного ребёнка и посерьёзnel:

— Твоя цель здесь сегодня вечером не может быть такой простой — лишь выразить нам благодарность и раскрыть свой секрет, верно?

— Разумеется, нет. — Юноша белозубо улыбнулся.

— Не зря я решил следовать за тобой! Конечно, всё это не было моей главной целью. Всё, что я наговорил до сих пор, — лишь вступление. — Юноша поднялся с места, сменил тон на серьёзный и, указав на Гу Чэня пальцем, произнёс: — Позволь для начала представиться: меня зовут Ся Сюнь, я адепт тёмной системы духовной энергии. А ты... я жду тебя в городе Демо уже полгода.

— Что?! — услышав это, Гу Чэнь внезапно вспомнил пророчество, о котором ему рассказывал Му Инлин после того, как он стал его учеником.

Этот мир... прорицатели и впрямь удивительная профессия...

— Когда мне было три года, наставник приютил меня, а затем отвёл к старой ведьме у Озера Рождения Теней в этой стране, чтобы та предсказала моё будущее. Она сказала, что в год моего двенадцатилетия я непременно встречу в этом городе человека, который впервые случайно мне поможет. А потом... в начале этого года наставник вышвырнул меня из Горного хребта Восхода Солнца и велел ждать тебя здесь. — Ся Сюнь развёл руками. Поначалу он совсем не верил в подобную чушь вроде предначертанной судьбой встречи, но послушаться приказа наставника было нельзя, поэтому все эти полгода он только и делал, что искал Гу Чэня и ждал его появления.

Лицо Гу Чэня потемнело наполовину. Если бы такое заявила девушка, Гу Чэнь, пожалуй, не нашёл бы это столь странным. Но Ся Сюнь... Гу Чэнь окинул его взглядом слева направо и сверху донизу — с такой абсолютно плоской грудью его половая принадлежность никак не могла оказаться женской, верно?

Ся Сюнь, разумеется, тоже заметил странный взгляд Гу Чэня и сквозь зубы процедил:

— Прошу прощения, забыл предупредить: я — девушка!

— Кха... — Гу Чэнь вмиг замер, словно поражённый молнией. В этот момент в его душе бушевала настоящая буря, и он не смог сдержать нервной дрожи.

— Какое... какое совпадение. Я тоже девушка. — Гу Чэнь оцепенело протянул руку, предлагая рукопожатие.

Однако в эту секунду шокирован был не только Гу Чэнь — Ся Сюнь точно так же окаменел на месте. Судя по всему, если бы оба они сейчас раскрыли рты, их челюсти одновременно упали бы на землю.

Ся Сюнь не удержался и повторил движение Гу Чэня, окинув взглядом его торс.

Гу Чэнь закатил глаза и пояснил:

— Мне десять с половиной лет.

В этом мире все дети начинают развиваться именно в десять лет.

Затем Ся Сюнь внезапно почувствовал, что потерял лицо. Но Гу Чэнь поднялся на ноги и, понимающе похлопав Ся Сюня по плечу, произнес:

— Ничего страшного. Я знаю, что тебе нравится, так что я вовсе тебя не осуждаю.

Говоря это, Гу Чэнь действительно не имел в виду кого-то конкретного. Однако для Ся Сюня эти слова заставили образ одного человека без всякого предупреждения всплыть в памяти.

Это была ученица старой ведьмы из Ордена Священной Битвы — одиннадцатилетняя Е Лин.

Ся Сюнь с бурной реакцией оттолкнул руку Гу Чэня и громко возразил:

— Ты, ты, ты... Что ты за чепуху несешь! С чего бы мне нравилась эта девчонка!

Гу Чэнь молча бросил в ответ:

— Нет... я вообще ее не знаю... Не стоит так бурно реагировать. Выкрикнув это, Ся Сюнь вдруг тоже осознал, что потерял самообладание. Сделав вид, что держится уверенно, он бросил:

— Т-тебя не должно это волновать! В общем, с сегодняшнего дня я буду следовать за тобой, хочешь ты того или нет. Но не радуйся раньше времени, я вовсе не признал тебя, просто слушаюсь старика! Ладно, это всё, что я хотел сказать! Я пошёл!

С этими словами он сделал пару шагов к выходу, после чего растворился в царившей за дверью темноте и исчез.

— Нет, я вовсе не радуюсь, — с некоторым запозданием пробормотал Гу Чэнь, глядя в темноту дверного проема.

— Да что такое... Совсем с ума сошел. Чань-эр, не обращай на него внимания, давай ужинать!

Гу Чэнь снова подцепил палочками кусочек мяса и положил его в чашку Юй Чань, а затем бросил угрожающий взгляд на Момо. В его глазах мелькнул опасный сигнал: если посмеешь снова отнять, тебе конец.

Однако Момо даже не взглянула на его лицо — ее маленькая ручка снова потянулась прямо в чашку Юй Чань.

— Кхм...

Гу Чэнь окончательно вышел из себя от злости на Момо...

Честно говоря, для Гу Чэня Момо была скорее похожа на маленького питомца, тем более что этот ребенок вовсе не был человеком. Она же вылупляется из яйца — дракон... Причем настоящая водный дракон. Хотя сам Гу Чэнь уже давно мечтал взглянуть на истинный облик Момо, она до сих пор не давала ему такой возможности. А для Момо Гу Чэнь был кем-то вроде близкого родственника. Он не только угощал её вкусняшками, но и позволял поглощать духовную силу. Именно благодаря этой связи их отношения стали ещё ближе, и теперь для Момо Гу Чэнь значил даже больше, чем Юй Чань, хотя всё это время за ней ухаживала именно она.

Что ни говори, а дети довольно легко забывают добро. Именно по этой причине в современном обществе до сих пор процветают похитители людей.

Э-э, разумеется, никто не ставит знак равенства между Гу Чэнем и похитителем. Это просто сравнение.

Троица быстро расправилась с ужином. За это время Гу Чэнь и Момо сходились в битве бесчисленное множество раз, и каждый раз всё заканчивалось поражением Гу Чэня.

Наконец они вернулись в комнату. Гу Чэнь потянулся и со зевком произнёс:

— Эх, как же устал! Наконец-то не придётся ночевать под открытым небом, хоть нормально выплюсь.

— Ваше Высочество, но ведь ваш наставник говорил, что для практикующих медитация намного лучше восстанавливает душевные силы, и её эффект превосходит обычный сон.

Гу Чэнь громко рассмеялся в ответ:

— Да-да, но ведь изредка можно и поспать, ничего страшного не случится...

Шутки шутками, но если бы Юй Чань умела читать мысли Гу Чэня, она бы сразу поняла, что у того на уме исключительно коварные планы. На самом деле он думал о том, что во время сна представится прекрасный повод прижать Юй Чань к себе, а вот если медитировать... Разве он мог похлопать себя по колену и сказать ей: «Иди сюда...»? Ну уж нет.

Сегодняшний прорыв на четвёртую ступень был для Гу Чэня огромной радости событием, поэтому он слегка возбуждённо ворочался на кровати, пытаясь уснуть, но безуспешно. Стоило взглянуть на соседку по постели, как становилась ясна истинная причина: в самом краешке кровати мирно сопела крошечная Момо. Юй Чань же, видя, что уговоры на Гу Чэня не действуют, просто уселась медитировать.

Гу Чэнь надул губы и перевернулся на кровати раз этак п, всё ещё не осмеливаясь попросить Юй Чань лечь спать вместе с ним. В конце концов, разочарованный, он поднялся с постели и принял позу для медитации.

К его удивлению, стоило ему войти в состояние ментального покоя, как точка инь-тан между бровей ощутимо нагрелась, и его сознание снова перенеслось в то самое пространство, где он постигал [Тринадцать заклинаний мириады пыли] — безмолвный мир, состоявший лишь из неба и земли.

— Ой-ёй? — изумился Гу Чэнь. Он ведь не пытался медитировать сознательно, почему же его снова сюда затянуло?

Шагая по этому крошечному мирку, созданному им самим, Гу Чэнь отчётливо чувствовал твёрдую почву под ногами — казалось, будто его физическое тело тоже последовало за ним, а все ощущения были предельно реальными.

Пока Гу Чэнь в растерянности стоял посреди этого пространства, в центре неба вспыхнул алый свет. Возникнув из крошечной точки, он начал расходиться в стороны, постепенно превращаясь в красную занавесь, спускающуюся прямо с небес.

Затем на ткани стали проступать слова — словно невидимая рука выводила их иероглиф за иероглифом.

Там было написано следующее: Вторая мысль — Человеческое сердце!

Мириады мыслей человеческого сердца возникают в пустоте и растворяются в пустоте; моё сердце — источник мыслей, и все дхармы обращаются в пустоту; живучими мыслями едиными полнится бесконечность духа; мысли реют, тени тают, минувшее уносится ветром; отринь чужие помыслы, дабы истинный путь воссиял в сердце.

Судя по всему, это была формула для духовного совершенствования данной ступени. Ниже следовали длинные пояснения, похожие на комментарии. Гу Чэнь снова и снова повторял заклинание, но никак не мог уловить суть, поэтому успокоился и принялся вчитываться в каждое слово разъяснения. Вскоре он полностью погрузился в процесс.

Спустя долгое время Гу Чэнь тяжело вздохнул, поднял руку и тёр с лица несуществующий пот, после чего пробормотал себе под нос:

— Вот оно что, оказывается, как это следует понимать... Тогда... должно быть так...

Стоило ему высказать эти мысли вслух, как окружающий его мир претерпел грандиозные изменения. По мере того как он бормотал, бесцветные прежде небо и земля стали обретать краски: небо постепенно синело, а земля под ногами превращалась в буровато-жёлтую.

Затем в этом пространстве стали появляться хорошо знакомые Гу Чэню люди. Сначала супруги Гу Чэн и Айилян, затем Асы и Аке, следом Сеци, Натали, Дюй Юй и Су Мэн. Когда появились последние из них, изменения неба, земли и всего остального прекратились. Гу Чэнь наконец пришёл в себя...

Разве все эти люди — не те, о ком тоскует его сердце?

Вот только созданные Гу Чэнем образы были лишены жизни: они не дышали и не просыпались. Словно тонкие восковые фигуры, они безмолвно стояли посреди этого мира.

Гу Чэнь не удержался, шагнул вперед и коснулся их, но обнаружил, что пальцы натыкаются на ледяную пустоту — в них не было тепла, свойственного живым существам. При этом наощупь кожа казалась совершенно человеческой.

— И что... это по-твоему такое? — не удержался от жалобы Гу Чэнь.

— Почему? Почему они не дышат? Почему нет тепла? — с досадой присел на корточки Гу Чэнь и схватился за голову. Логика ускользала от него.

Но, подумав еще немного, Гу Чэнь рассудил иначе: «Если бы у них было дыхание и тепло, если бы они были живыми людьми, то как бы я общался с ними в реальной реальности?»

— Верно, так даже лучше. Пусть я могу лишь видеть и касаться вас, но я знаю, что вы всегда со мной. С меня хватит и этого. — Гу Чэнь опустил руки, которыми только что держался за голову, поднял взгляд и медленно выпрямился.

В тот же миг перед ним вспыхнула белая вспышка. Гу Чэнь медленно открыл глаза и понял, что его сознание вернулось в комнату постоянного двора.

Он приложил руку к груди, вспомнив, что далеко-далеко, в [Дакруцзи], осталась целая группа дорогих и любимых людей, и на сердце сразу стало тепло.

Подняв взгляд, он увидел стоящую прямо перед ним Юй Чань.

— Ваше Высочество, вы проснулись. Я уже попросила слугу принести завтрак, поешьте, пока он горячий, — мягко произнесла Юй Чань с улыбкой на лице.

Глядя на неё, Гу Чэнь испытал странное чувство, словно они целую вечность жили в разных мирах. Он не выдержал, соскочил с постели, крепко обнял Юй Чань и тихо шепнул ей на ухо:

— Чань-эр...

Ощувив искреннюю привязанность и нужду Гу Чэня, Юй Чань нежно улыбнулась уголками губ, обняла его в ответ и мягко погладила по спине, утешая без лишних слов.

— Обещай, что не покинешь меня, ладно? — Гу Чэнь почувствовал, как зашипало глаза, и его голос слегка охрип.

— Угу. Юй Чань не покинет Ваше Высочество, — ответила она, аккуратно прислонившись головой к его плечу.

— А-да... — едва они погрузились в эту трогательную идиллию, как некстати раздался голос Момо.

Они тут же пришли в себя и поспешно отстранились друг от друга. Юй Чань поспешила подхватить малышку с кровати, но Момо оказалась неблагодарной: в её объятиях она отчаянно заерзала, пытаясь дотянуться до Гу Чэня, и случайно задела самые чувствительные места Юй Чань. Та тихо охнула: «Ай...» — и её лицо в тот же миг вспыхнуло пунцовым румянцем.

Гу Чэнь мгновенно сообразил, в чём дело, горько усмехнулся, забирая Момо к себе, и укорил:

— Ах ты маленькая развратница! — после чего обнаружил, что и на его руках пигалица не успокаивается: ухватившись за воротник его одежды, она изо всех сил тянула его в сторону обеденного стола.

Освободив одну руку, Гу Чэнь шлёпнул себя по лбу и со вздохом протянул:

— Да ты у нас просто ненасытный обжора...

Услышав это, Момо внезапно перестала сопротивляться, широко распахнула глаза, уставилась прямо на лицо Гу Чэня и в ту же секунду впиалась зубками ему в щеку.

— Эй! Мелкая девчонка, я же не умылся... Нет, погоди, не в этом дело! Ай-яй-яй, ты ещё и кусаешься?! Получишь у меня! — этот парень с детьми воевал исключительно на словах. Судя по тому, каким грозным он себя изображал, можно было подумать лютого злодея, но на деле при встрече с ребёнком он становился тише овечки.

В конце концов Момо снова забрала Юй Чань и усадила её за стол, положив конец схватке этого «папаши» с дочкой.

Покончив с завтраком, они быстро собрали вещи. Стоило им выйти из постоянного двора, как они увидели Ся Сюня, который прислонился к дверному косяку и корчил из себя крутого мачо перед проходившими мимо девушками.

— Эй, на тебя ведь даже не смотрят, перед кем ты тут строишь из себя великого любовника? — Гу Чэнь подошёл ближе, закинул руку на плечь Ся Сюня и безжалостно сбил с того всю спесь.

— Я размышляю над серьёзными вопросами! То, что они на меня смотрят — не моя вина! — выпрямившись, беспомощно отпарировал Ся Сюнь.

— Ох... То есть ты хочешь сказать: если смазливая внешность — это преступление, то ты уже совершил тягчайший грех? — стоило Гу Чэню встретиться с Ся Сюнем, как ему безумно хотелось того подколоть, сам не зная почему.

— Эй! Парень, не зарывайся! Не думай, что раз я пристал к тебе, то теперь всё пойдёт как по маслу. Если от тебя не будет никакой пользы, я запросто брошу тебя!

— Ой, умоляю, брось меня! Мы же с тобой не в тех отношениях, чтобы так выражаться, ещё кто-нибудь услышит — не так поймут!

— Ты... не перегибай палку! — от злости лицо Ся Сюня покраснело.

Быть человеком из современного мира — сплошные плюсы. После перемещения в другой мир можно в худшем случае получить титул софиста — хотя бы благодаря умению ругаться без

единого матерного слова.

— Ладно-ладно, хватит вам обоим ссориться. Если хотите и дальше оставаться в центре внимания, можете продолжить, — не выдержав, подала голос Юй Чань, несшая Момо на спине.

Только тогда оба заметили, что из-за незаурядной внешности всех троих и довольно странной сценки вокруг них уже успела собраться толпа зевак. Прохожие сбивались в кучки, вовсю обсуждая их и пытаясь угадать, какие же отношения связывают эту троицу.

— Да ну вас! — бросил Ся Сюнь и, густо покраснев, шмыгнул в толпу, мгновенно скрывшись из виду.

Так называемый аукционный дом

Увидев, что Ся Сюнь удалился, Гу Чэнь и Юй Чань растолкали зевак и тоже тронулись в путь.

Город «Демочэн» и впрямь оказался невероятно оживлённым. Торговля в самых разных лавках шла полным ходом, а людской поток на улицах, казалось, не иссякал ни на секунду круглые сутки. Прохожие были одеты в одежды самых разных фасонов и стилей — создавалось впечатление, будто в одном месте собрались все национальные меньшинства Китая разом.

Гу Чэнь и Юй Чань шли, озираясь по сторонам, и от пестроты вокруг у них даже рябило в глазах. Чтобы зря не терять времени, на каком-то этапе они купили ездового зверя — «скакуналисицу» — чтобы передвигаться верхом.

<http://bllate.org/book/20975/2129335>